

Лю Хучэн с офицерами без промедления обсудили требования Сижун. Обмен пленными они еще могли допустить, но платить за каждого по тысяче лянов серебра — это переходило все границы.

Нельзя сказать, будто судьба соплеменников их не заботила. Раньше, когда жуны уводили людей в плен, родственники порой выкупали их в частном порядке, и командование закрывало на это глаза. Но теперь Сижун в открытую требовал серебро у самого генерала Лю. На это они пойти не могли.

Во-первых, у них попросту не было столь огромной суммы, чтобы выволить всех. Во-вторых, даже найдись у них эти деньги, потакать любым прихотям степняков недопустимо. Где тогда величие Великой Чжоу? Если пойти у них на поводу, то как воевать дальше? Оглядываться в вечном страхе и дрожать перед каждым шорохом?

— И что нам делать? — со вздохом нарушил тишину один из командиров. — Как думаете, у Сижун что-то стряслось? Раньше они так нагло себя не вели. С чего вдруг сейчас?

— Сдается мне, дело не в Сижуне, а в нас самих, — подал голос другой офицер. — Они почуяли нашу слабость, вот и пытаются сесть на шею.

Встретив пристальный взгляд Лю Хучэна, говоривший — тысяцкий Чэнь — ничуть не смутился и продолжил:

— Генерал, я не ради пустой болтовни это говорю и смуту вносить не желаю. Но посудите сами: стоило этому столичному наследнику Хан Сиэню прибыть на границу, как сначала избили заместителя командующего Чжоу, а потом под стражу взяли генерал-губернатора Чжао. Разве это не ясный знак для чужаков, что у нас внутри раздор? Наследник Хан Сиэнь устроил такой погром с конфискациями, что у Сижун об этом не услышал разве что глухой. Их нынешнее требование — верный способ еще сильнее стравить нас между собой.

Стоило одному высказаться, как тут же поддержал другой:

— А ведь тысяцкий Чэнь прав. Ситуация паршивая, генерал. Согласимся на выкуп — мало того что разоримся, так еще и в ловушку степняков угодить можем. Откажемся — поползут слухи, что Сицзянская армия бросила своих на произвол судьбы. А этот Императорский инспектор, когда станет строчить донесение императору, уж точно не упустит случая очернить нас. И когда на нас обрушится гнев владыки, кто за это ответит?

— И что же вы предлагаете делать? — Лю Хучэн помрачнел.

Стоявший поодаль генерал Бай Вэньхань тоже нахмурился. Выходка жунов действительно

сулила неприятности, но попытки свалить всю вину на приезд Хан Сизня казались ему верхом нелепости.

В конце концов, не потому ли враг так обнаглел, что перестал уважать их собственную силу?

Все эти разговоры о том, что Хан Сизнь побежит жаловаться императору... Вэньхань был уверен: юноша не станет топить Сицзянскую армию из-за пограничного инцидента. Однако поручиться за столичного гостя он не мог — да и кто бы ему поверил?

На вопрос главнокомандующего офицеры лишь переглядывались. Спасать или бросить — оба выхода вели к катастрофе, и найти золотую середину с ходу никто не мог. Разочарованный их молчанием, Лю Хучэн перевел взгляд на Бая:

— Вэньхань, а ты что думаешь? Как нам поступить?

Бай Вэньхань спокойно сложил руки в приветственном жесте:

— Дело скверное, генерал. Людей вызволять нужно, но и платить степнякам нельзя — иначе они почуют слабину. У нас есть три дня. Позвольте мне взять преданных бойцов и устроить ночной налет на их лагерь...

Лю Хучэн пресекающим жестом поднял руку:

— Никаких налетов. Сижун выставил вперед мирных пастухов, а регулярное войско прячется у них за спинами. Раз уж они решились на такой шаг, то наверняка готовы к любому отпору. К тому же они стоят на своей земле. Пересечем границу — и у них появится законный повод для войны. Мы еще не доложили обо всем в столицу. Если сейчас вспыхнет крупный конфликт, нам не сносить головы.

Император старел и с каждым годом все больше ценил покой и осторожность. От пограничной армии требовалась стойкость в обороне, а не излишнее рвение в атаке. Прояви они самоуправство — высочайшего гнева и выговора не избежать.

Вэньхань мысленно вздохнул. Будь он по-прежнему у руля, давно бы уже сидел в седле, не оглядываясь на чины и предписания. Но у него не было ни жены, ни детей, тогда как Лю Хучэн и остальные обросли семьями. Им было что терять, и идти наперекор воле государя они не смели.

Понимая это, он лишь молча подавил вздох.

Тем не менее генерал решил дождаться, пока совет разойдется, и поговорить с Лю Хучэном с глазу на глаз. Плыть по течению нельзя. Бездействие все равно приведет к невинным жертвам, и когда отчет ляжет на стол императору, пощады не будет никому. Так не лучше ли нанести

упреждающий удар?

Так и не придя к согласию, Лю Хучэн раздраженно махнул рукой:

— У нас есть три дня. Разойдись. Думайте, ищите выход. Нам нужно надежное решение, без лишней крови.

Офицеры глухо загалдели, расходясь. Задача казалась невыполнимой. Горячие головы предлагали сойтись со степняками врукопашную и смыть позор кровью, более осторожные — просчитывали последствия каждого шага.

Были среди них и те, кто привык при любой неудаче искать козла отпущения. Они злорадно нашептывали друг другу, что раз уж кашу заварил этот столичный гость, то пусть этот наводящий даже на чертей ужас наследник сам ее и расхлебывает.

Впрочем, зная суровый нрав командующего Лю, вслух подобные речи никто продвигать не рискнул.

Бай Вэньхань проводил уходящих бесстрастным взглядом и повернулся к главнокомандующему:

— Генерал, Сижун дал нам три дня, но подготовить их пленных для обмена нужно уже сейчас. Пригодится это в итоге или нет, мы обязаны подстраховаться.

Лю Хучэн согласно кивнул:

— Разумно. Поручу это тебе. Собери всех пленных степняков и в назначенный день выведи к передовой. Если эти варвары замыслили неладное, церемониться не станем.

— Слушаюсь, — отозвался Вэньхань.

Весть о требованиях Сижуна мгновенно разлетелась по Заставе Небесных Врат. Улицы города опустели — жители предпочитали не искушать судьбу и носа из домов не показывать. Хотя все и знали, что крепостные стены заставы неприступны, обывателей все равно терзал страх: начнись у ворот настоящая сеча, под раздачу попадут все без разбору.

По углам поползли злые шепотки, будто небывалая дерзость степняков — прямая вина новоприбывшего Императорского инспектора.

Хан Сиэнь, едва прослышав об этих слухах, лишь презрительно усмехнулся и сразу направился в военный лагерь Сицзяна. Разумеется, пятый принц Цзи Хуай, который не спускал с наследника глаз, поспешил следом.

Наследник Хан Сиэнь без доклада вошел в главный шатер. Застал он там безрадостную картину: Лю Хучэн вместе с командирами с унылыми лицами спорили, как выкручиваться из ловушки с обменом. Среди присутствующих ошивался и заместитель командующего Чжоу Жань, который едва-едва оправился от недавних побоев.

Внезапное появление Хан Сиэня вызвало у Лю Хучэна глухое раздражение. Он искренне считал, что дела пограничной армии касаются исключительно его самого, и сопливый Императорский инспектор совать туда свой нос не должен.

Пограничники отродясь не жаловали заносчивых столичных чинуш. Те вечно сыпали слащавыми речами, пороли горячку, мешали воевать, а в случае победы первыми бежали докладывать императору, загребая чужие заслуги обеими руками.

Впрочем, помня о том, что Хан Сиэнь — любимчик государя, главнокомандующий нацепил вежливую маску и пригласил гостя войти.

Под пристальными взглядами собравшихся Хан Сиэнь прошел вперед и, не тратя времени на приветствия, в упор спросил Лю Хучэна:

— До моих ушей долетели забавные слухи. Болтают, будто неожиданные требования Сижуня как-то связаны с тем, что я прижал к ногтю Чжао Вэня. Что скажете на это, генерал Лю?

— Глупости! Наглый поклеп! — Лю Хучэн изобразил крайнее возмущение. — Эти домыслы не стоят и ломаного гроша. Ваша милость, уверяю, слухи беспочвенны, не принимайте их близко к сердцу.

— Рад слышать, что у генерала Лю голова на плечах имеется, чего не скажешь о тех безмозглых тварях, что распускают этот бред, — Хан Сиэнь медленно обвел взглядом присутствующих офицеров. Голос его звучал вкрадчиво, но от него веяло холодом. — Генерал-губернатор Сицзяна преступил закон. Я взял его под стражу и отправил в столицу на суд императора. Это сугубо внутреннее дело Великой Чжоу. С какой же стати у некоторых здешних господ хватает наглости приплетать сюда степняков? Или в их понимании карать преданных престолу воров мы теперь должны только с милостивого разрешения Сижуня?

Когда наследник желал уколоть побольнее, он растягивал слова, превращая каждое предложение в ядовитое жало.

— Пощадите, ваша милость! — поспешил заверить его Лю Хучэн. — В моей армии никто так не думает. Уверен, эти мерзкие басни поползли от городских бездельников, наши воины к ним непричастны.

Хан Сизнь пренебрежительно повел плечом:

— Кто именно треплет языком на базарах — дело десятое. Меня интересует другое: как вы, генерал Лю, намерены разрешить этот кризис?

Лю Хучэн криво усмехнулся и развел руками:

— Скажу честно: мы зашли в тупик. Шаг влево, шаг вправо — везде пропасть. Пока неясно, как распутать этот узел.

— Вы шутите со мной, генерал? — Хан Сизнь холодно прищурился. — Из-за такой пустяковой проблемы вы развели тут бабы причитания?

Сидевший в мягком кресле Чжоу Жань не выдержал и подал голос:

— Наследник Хан Сизнь, среди воинов Сицзяна нет трусливых ублюдков! Мы готовы костями лечь в бою. Но сейчас речь не о прямом столкновении армий. Если у вашей милости есть дельный совет — выкладывайте, обсудим. К чему насмехаться над нашим командующим?

Хан Сизнь, до этого момента словно не замечавший присутствия Чжоу Жаня, медленно повернул к нему голову. На губах его заиграла тонкая, издевательская усмешка:

— Гляжу, раны господина заместителя командующего затянулись на удивление быстро. Жаль только, что пострадало у вас тело, а усыхание ума так и осталось неизлечимым.

Лицо Чжоу Жаня мгновенно налилось багровой краской от гнева. Но Хан Сизнь уже потерял к нему интерес и вновь обратился к Лю Хучэну:

— Сижун — это сброд дикарей, не более. Они милостиво выделили вам три дня, и вы послушно собрались ждать? Генерал Лю, я человек сугубо гражданский, но случись подобное со мной, я бы не подарил им и единой ночи. Терпеть такое унижение — значит не просто вывалить в грязи собственное имя, но и плюнуть в лицо самому императору.

Лю Хучэн помрачнел пуще прежнего, но волевым усилием подавил рвущуюся наружу ярость.

— Что вы хотите этим сказать, наследник?

— Вы предлагаете бросить наших невинных людей на растерзание варварам?! — снова вскипел Чжоу Жань.

Он прошел через горнило войны, проливал кровь, спасал товарищей. Пусть его считали

мелочным и злопамятным, но терпеть обвинения в малодушии он не собирался. Слова столичного выскочки задели его за живое. Впрочем, не его одного. Почти каждый офицер в шатре, сохранивший хоть каплю чести, едва сдерживался. Ярость витала под куполом — кто-то багровел от гнева, кто-то лишь крепче сжимал рукоять меча.

— Раз хотите спасти пленников, какого дьявола вы тут расселись и тянете кота за хвост? — Хан Сиэнь презрительно проигнорировал их ярость, его голос сочился ядом. — Действительно надеетесь выждать три дня, а потом приползти с мешками серебра или смотреть, как варвары перережут заложникам глотки?

Чжоу Жань дернулся было возразить, но Лю Хучэн властным жестом велел ему молчать. Главнокомандующий в упор посмотрел на юношу:

— И каково же ваше решение, наследник Хан Сиэнь?

— С каких это пор на рубежах Великой Чжоу правила диктуют чужаки? — Хан Сиэнь принялся задумчиво разглядывать свои ногти, и его голос упал до ледяного шепота: — Передайте степнякам: обмен состоится сегодня. И мы заберем всех наших людей в обмен на тех жунских крыс, что заперты в наших темницах. Всех до единого.

— А если они откажутся? — спросил Лю Хучэн.

— Откажутся? — Хан Сиэнь удивленно изогнул бровь, словно услышал глупейшую шутку в своей жизни. — Кто их спросит? Уважение и гордость — вещи зыбкие. Если ты ведешь себя с врагом как с равным, он наглеет. Если же смешаешь его с грязью, у него не останется выбора.

Сделав паузу, он продолжил уже обманчиво мягким, вкрадчивым тоном:

— Раньше вы могли прикрываться нежеланием развязывать войну и заботой о пресловутом «мире». Но теперь, когда варвары сами развязали вам руки и преподнесли идеальный повод на блюдечке, с чего вдруг вы опять топчетесь на месте? Вам мало того, что они годами сытно кормились за наш счет? Теперь вы хотите скормить им всю Сицзянскую границу и окончательно раскормить их волчий аппетит?

Внезапно его голос упал до зловещего, пронизывающего шепота:

— Если они согласятся на наши условия — что ж, тем лучше. А если посмеют отказать... поверьте, это развяжет нам руки для куда более интересных дел.